

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ФИЛОСОФИИ К. МАРКСА И СОВРЕМЕННЫЙ РЕФОРМАТОРСКИЙ ПРОЦЕСС

Трудности и сложности в реформировании общественных процессов имеют своим глубочайшим основанием неразработанность методологических проблем исследования общества как целостной системы взаимосвязанных и взаимообуславливающих сторон и отношений, сознательного прогнозирования последствий деятельности людей – классов, социальных групп, партий и т. д., наделенных полномочиями властных структур не только в рамках отдельной страны, региона, но и мирового общества. Выработка социально-экономической стратегии в нашей стране, на наш взгляд, имеет своей главной преградой такой уровень рассмотрения экономических отношений, их сущности, структуры, их специфической особенности, каким он представлен в экономической и философской науке доперестроечного времени. На протяжении десятилетий в учебной и научной литературе устойчиво преподносился тезис о том, что определяющей характеристикой экономических отношений, согласно К. Марксу, являются формы собственности на средства производства, а так называемой клеточкой структуры экономических отношений выделялось «отношение к средствам производства».

Стало быть, по принципу различного отношения к средствам производства определялись различные способы производства: капиталистический способ производства характеризовался наличием капиталистической частной собственности как определяющей субстанциональной основы этого общества, а социализм характеризовался наличием социалистической общественной собственности. Сведение экономических отношений к отношениям собственности, т. е. отношениям владения или невладения средствами производства в действительности означает, согласно логическому обоснованию экономических отношений в «Капитале», не что иное, как отождествление специфической сущности и структуры материальных, объективных, экономических отношений как базисной сферы общества с юридическими отношениями, то есть с отношениями собственности.

Современный реформаторский процесс в нашей стране покоится на вышепредставленной иллюзии, основанием которой выступает отождествление базисной сферы общества, экономических отношений с юридическими отношениями, то есть отношениями собственности, но последние, согласно теории К. Маркса, лишь отображают то, как экономические отношения проявляются на поверхности общественного процесса. Поэтому изменение форм собственности, так называемая «приватизация», означает не что иное, как перераспределение общественно-государственной собственности, появление ее новых владельцев, «олигархов», что вовсе не тождественно возникновению собственно капиталистических экономических отношений. Перераспределение общественно-государственной собственности, осуществляемое сверху, различными властными или околовластными структурами, на самом деле предстает как формально-реальные изменения с точки зрения смены формальных владельцев, предположим, средств производства или денежных средств. Такая перемена в сфере отношений собственности, вполне естественно, привела к деструкции, разрушению прежних экономических отношений, базировавшихся на общественно-государственном владении средствами производства, но не означала автоматического процесса возникновения капиталистических отношений.

Ставка на определяющую роль в реформировании экономики посредством смены владельцев собственности принималась реформаторами, на наш взгляд, не только без достаточной степени обоснования, но и заключала в себе тот довольно продолжительный и обременительный груз теоретических искажений, которые накапливались в философской и экономической литературе в течение всего доперестроечного времени. Почему необходимо указывать на изменения в отношениях собственности как лишь на формально-реальные перемены, а не на действительные преобразования. Потому что они не направлены именно на преобразование сущностной сферы общества, сферы производства.

Ограниченность современной идеологии реформаторского процесса состоит именно в том, что она направлена главным образом на перераспределение собственности и превращение общественно-государственной собственности в частную, что соответствует на самом деле преобразованию лишь поверхности общества, сферы отношений собственности, которые, согласно К. Марксу, предстают сферой юридических отношений. Стало быть, осуществление реформ не затрагивает в достаточной степени преобразования собственно экономических отношений как сферы сущности, производственной сферы на основе развития современной формы капиталистических экономических отношений.

Увеличение капитала как самовозрастающей стоимости осуществляется в сфере производства, а не в сфере рыночных отношений, товарно-денежного обращения и не в форме насаждения так называемой «свободной рыночной экономики». Действительное богатство не создается в сфере обращения, оно создается в процессе производства товаров. «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, писал – К. Маркс, представляется – огромным скоплением товаров» (Маркс К. Капитал. Т. 1, с. 43), а процесс товарно-денежного обращения – это та сфера, в которой, как известно, не создается новая стоимость, а лишь перераспределяется стоимость, созданная в процессе самого производства, представленного как специфически капиталистический процесс.

«Современный рынок» в России работает на внешний капитал, так как из-за определенного паралича сферы промышленного и сельскохозяйственного производства придает товарную форму тем потребительным стоимостям, которые не могут осуществить процесс обращения в тех странах, где они произведены. Внешний капитал получает огромную дополнительную прибыль – торговую прибыль за счет сбыта в другие страны произведенных товаров, в том числе и не всегда конкурентоспособных. Однако в стране, в которой не уделяется достаточно внимания сущностной сфере общества, процессу производства, производительные силы продолжают находиться в стадии деструкции именно потому, что они не охвачены собственно экономическими отношениями. Производительные силы, подчеркивал К. Маркс, становятся мертвыми и подвергаются лишь есте-

ственному обмену веществ, а не общественному обмену, когда они не опосредованы собственно экономическими отношениями. «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того, она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет» (Маркс К. Капитал. Т. 1, с. 194).

Процесс осуществления реформ, фактически остановившийся на реформе форм собственности, т. е. юридических отношений, базировался на тех философско-логических основаниях, которые сводились к отождествлению экономических отношений с отношениями собственности, т. е. к представлениям классической политэкономии А. Смита и Д. Рикардо, а последние – и в этом, на наш взгляд, особая ирония судьбы – выдавались в нашей философской и экономической литературе за истинные идеи К. Маркса.

Методологическая несостоятельность отождествления экономических отношений как независимых от воли и сознания людей с юридическими отношениями, которые прежде чем сложиться с необходимостью проходят через волю и сознание людей, была перенесена из классической политэкономии Адама Смита и Давида Рикардо и расцвела пышным цветом в так называемой «марксистско-ленинской философии» и «марксистско-ленинской политэкономии».

В современной экономической литературе, к сожалению, непомерное предпочтение отдается пропаганде в основном работ западных авторов, нацеленных на исследование поверхностной сферы экономических процессов, которая предстает как «анализ поведения людей, распределения и потребления материальных благ и услуг в мире ограниченных ресурсов» (Макконнел К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Т. 1, с. 19). В современных работах отечественных авторов, которые осуществляют весьма продуктивные попытки систематического изложения предмета, в то же время продолжают доминировать представления, отождествляющие экономические отношения с собственностью на средства производства. «Суть товарного производства при капитализме определяется частной собственностью и выражается прежде всего в том, что оно служит основой получения прибавочной стоимости в форме прибыли» (Шишкин А.Ф. Экономическая теория. Кн. 1. М., 1996., с.

173). Грубое, можно сказать, вульгарное упрощение одного из определяющих открытий К. Маркса о разграничении экономических и юридических отношений не позволило выработать действительно научную идеологию реформаторского процесса.

Научный анализ реформирования общественной реальности требует отличить созданную К. Марксом методологию в исследовании капиталистических экономических отношений от того идеологического примитива и штампа, к которому «в свое время всем сердцем прикипели его сегодняшние ниспровергатели... более полувека учившие всю страну марксизму-ленинизму» (Михайлов Ф.Т. Избранное. М., 2001, с. 94).

Объективные причины, в рамках которых сложились и пустили глубокие корни представления о собственности как основной экономической категории, сформировались в определенных исторических условиях строительства социализма в стране с недостаточно высоким уровнем развития производительных сил и развитых форм капиталистических отношений. Вульгаризация научных открытий К. Маркса в «Капитале» как наиболее сложном и трудном для освоения произведении, требовавшем значительных и специальных знаний в области философской культуры, а именно изучения и переосмысления гегелевской методологии и классической политэкономии, получила распространение в той среде, в которой складывался принцип абсолютного авторитаризма в науке. Построение «теоретической системы», в которой в качестве фундаментальной категории экономических отношений выступает собственность на средства производства, принадлежит И. Сталину. К производственным, экономическим отношениям людей, писал он, относятся: «а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положения различных социальных групп в производстве и их взаимоотношения, или, как говорил К. Маркс, «взаимный обмен деятельностью»; в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов» (Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с. 73). В вышеприведенном положении произошла подмена отношений процесса производства, т. е. собственно экономических отношений, их юридической формой, формой собственности на средства производства. В качестве общепринятого тезиса, утверждающего в качестве кле-

точки экономических отношений «собственность на средства производства», была заполнена вся учебная и научная продукция по всем видам обществознания.

Более того, утверждалось, что «Капитал» К. Маркса посвящен этому великому историческому обоснованию структуры экономических отношений, клеточкой которых является собственность на средства производства в ее капиталистической форме, а потому представлялось, что развертывание системы экономических категорий есть процесс последовательного их выведения из понятия «капиталистическая собственность на средства производства».

Однако еще на этапе формирования материалистического понимания истории в «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. К. Маркс критикует классических политэкономов за то, что в исследовании капиталистического общества они остановились на анализе частной собственности на средства производства. В противоположность классикам политэкономии, которые в объяснении капиталистического общества «исходили из факта частной собственности», К. Маркс обосновывает необходимость углубить исследование, вплоть до отыскания сущности частной собственности и причины ее возникновения.

Сосредотачивая внимание на анализе самого феномена частной собственности и углубляя анализ на этой ступени исследования, он вводит понятие отчужденного труда. Мыслитель полагает, что не следует исходить из факта частной собственности, как полагали А. Смит и Д. Рикардо, а объяснить этот факт, то есть вывести его в результате анализа, найти более глубокие и фундаментальные основания, которые позволят раскрыть причины появления указанного феномена. В качестве основополагающей категории, из которой оказывается возможным выведение частной собственности, становится, согласно К. Марксу, отчужденный труд как наиболее общее понятие, к которому сводятся все другие категории, как к своему основанию.

Исследуя отчуждение труда как самоотчуждение в самом акте труда, а также отвечая на вопрос, как человек дошел до такого самоотчуждения, еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» К. Маркс открывает ряд сменявших друг друга эмпирических форм, в которых объективировался процесс отчуждения, – это меновая торговля, деньги, земельная рента, капитал, заработная плата и др. Однако уг-

лубление в понимание и раскрытие механизма действия указанных экономических форм в данной работе вступало в реальное противоречие с таким предельно общим понятием, как отчуждение, и требовало нахождения эмпирического источника их возникновения и развития.

На первый план в логике исследования оснований указанных экономических форм и также частной собственности выступит, следовательно, проблема конкретизации феномена отчуждения, выяснения некоторого определяющего основания, которое обуславливает возникновение самого отчуждения, собственно экономических форм и частной собственности. В качестве такого определяющего основания К. Маркс выводит важнейшее положение о роли разделения труда в становлении и развитии общества, но пока еще в виде научного предположения. Именно исследование категории разделения труда займет центральное положение в последующих работах, особенно в «Капитале», в выяснении причин увеличения производительности труда, появления прибавочного продукта, возникновения отношений обмена, превращения продукта в товар, а на их основе возникновения частных интересов, которые выражаются и закрепляются институтом частной собственности.

Таким образом, на стадии исследования фундаментальных оснований общества в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» К. Маркс подвергает вполне справедливой критике устремления А. Смита и Д. Рикардо в объяснении существующего общества «исходить из факта частной собственности» и в противоположность такому подходу делает целый ряд теоретических обобщений, свидетельствующих о необходимости выявления таких отношений, которые не лежат на поверхности предмета, но делают возможным проникновение во внутренние связи исследуемого предмета, позволяющие раскрыть основания, детерминирующие появление указанного факта частной собственности.

Огромную эвристическую роль в процессе осознания сущности частной собственности, до сих пор, на наш взгляд, недостаточно освоенной научным сознанием, представляет обоснование общественной сущности труда, заключенное в его двух противоположных формах – разделении и кооперации труда, а также в важнейшем предположении об огромной роли разделения труда в возникновении вышеназванных экономических форм и частной собственности вообще.

Таким образом, в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» К. Маркс сформулирует чрезвычайной важности задачу: не отталкиваться на поверхности исследования предмета, а осуществлять движение мысли от поверхности к сущности, к выявлению внутренних связей и отношений исследуемого предмета. Исходя из предыдущего необходимо сделать вывод о том, что, к великому сожалению, рассмотрение сущности, а также структуры экономических отношений оказалось сведенным в основном в философской и экономической литературе советского периода к частной собственности на средства производства, то есть к представлениям классических политэкономов А. Смита и Д. Рикардо.

Стало быть, в «Экономическо-философских рукописях» К. Маркс вполне определенно отмежевывается от классических политэкономов в том, что в понимании и объяснении существующего общества следует исходить из «факта частной собственности», а считает необходимым, напротив, выявить предпосылки, причины возникновения частной собственности, а также ее действительную внутреннюю определенность. Обоснование закона прибавочной стоимости в «Капитале» в процессе выявления системы экономических отношений позволило открыть субстанциональную основу возникновения и развития отношений собственности как юридической формы выражения собственно экономических отношений.

Процесс разграничения экономических и юридических отношений и представления последних как формы выражения содержания экономических отношений позволил К. Марксу только в «Капитале» раскрыть методологическую ограниченность классических политэкономов и принципиальную несостоятельность выявления специфической сути товара, стоимости, денег, капитала исходя «из факта частной собственности». В связи с вышеизложенным необходимо провести четкое разграничение учения о роли частной собственности как определяющего основания в возникновении капитала в классической политэкономии и разработанной в «Капитале» системы экономических категорий (товар, деньги, капитал), на основе которой только окажется возможным раскрыть сущностную определенность частной собственности.

Учение о трех источниках дохода, подчеркивает К. Маркс, явилось основанием разработанной классиками политэкономии, та-

кой «экономической анатомии классов», которая усматривала их основание в отношениях собственности. Именно А. Смит и Д. Рикардо, согласно личному свидетельству К. Маркса, раскрыли экономическую анатомию классов, обосновывая деление общества на три класса в зависимости от владения теми или другими средствами производства (земля, труд, капитал). Так, Смит делит современное ему общество на три основных класса: во-первых, собственников земли, то есть «тех, кто живет на ренту», во-вторых, класс рабочих, то есть «тех, кто живет на заработную плату», в-третьих, класс купцов и промышленников, «обладателей капитала», «тех, кто живет на прибыль с капитала» (А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., Соцэкиз, 1962, с. 63). Именно в частной собственности на средства производства классические политэкономы видели «основу присвоения прибыли и ренты» и обосновывали справедливый и естественный характер капиталистического производства. «Марксистские» пропагандисты философии и политэкономии на протяжении десятилетий советского периода усердно обосновывали положение о том, что именно в принципе капиталистической собственности на средства производства состоит та извечная несправедливость, ограниченность и несостоятельность этой общественной формы, задачу изобличения которой и поставил якобы перед собою К. Маркс. Однако в действительности, с точки зрения автора «Капитала», в таком изображении, то есть со стороны классических политэкономов и, по-видимому, не менее «классических» их последователей в рамках советской идеологии, вещественные факторы производства выступали источником, главной причиной увеличения богатства, а подлинная основа, субстанция капитала, то есть присвоение чужого живого труда в процессе потребления особого специфического товара, товара «рабочая сила», окажется еще длительное время скрытой и завуалированной.

Экономическая структура, данная классической политэкономией, лишь воспроизводила поверхность общественного процесса, в рамках которой частная собственность на средства производства предстает в качестве основы, источника созидания капитала. Именно указанный признак будет представлен вольными или невольными последователями сталинистской позиции в каче-

стве основы, клеточки, определяющей структуру экономических отношений в учебной и научной литературе по марксистско-ленинской философии и политэкономии, а также в качестве величайшего открытия К. Маркса.

Но в действительности, как раскроет в «Капитале» его автор, обоснование частной собственности в качестве специфической сущности капиталистического общества не только лишь скрывает истинную природу и сущность капитала, но и обозначает осознанные или неосознанные апологетические устремления представителей, олицетворяющих указанные подходы в исследовании общества.

Научный анализ структуры капиталистических экономических отношений, осуществленный К. Марксом в «Капитале», завершится действительным величайшим открытием, которое предстанет как процесс разграничения собственно экономических отношений (товар, деньги, капитал) и отношений собственности как «юридической формы их выражения» (К. Маркс). Классическая политэкономия, пытаясь выявить структуру экономических процессов, начинает выделять их отдельные стороны, такие, как деньги, рента, прибыль, товар и т. д., но сводит их, в конечном счете, к частной собственности на средства производства, продолжая оставаться на поверхности общественного процесса, то есть в сфере формы выражения содержания экономических отношений, в сфере юридических отношений как отношений частной собственности.

Только на основе обоснования специфической сущности экономических отношений как объективных, независимых от воли и сознания людей будет показана и особая суть отношений собственности как отношений волевых, то есть зависящих от воли и сознания людей. Частная собственность, подчеркивает К. Маркс, «...это юридическое отношение, формой которого является договор, - все равно, закреплен он законом или нет, - есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением» (К. Маркс. Капитал. Т. 1. М., 1967., с. 94). В отождествлении экономических и юридических отношений, в принятии одного за другое выражалась методологическая несостоятельность попыток классических политэкономов проникновения во внутренние связи явлений. Факт владения средствами производства

или капиталом есть волевое отношение к вещам. То или иное лицо может быть владельцем лишь постольку, поскольку оно, по выражению Гегеля, вкладывает свою волю в вещь, и благодаря этому вещь выделяется из всей прочей массы материальных предметов, олицетворяется, персонифицируется, противопоставляясь тем самым другим вещам, которые вообще не находятся в чем-либо владении или состоят во владении других субъектов.

Обоснование частной собственности на средства производства в качестве важнейшего и определяющего элемента структуры собственно экономических отношений в советской философской и политэкономической научной и учебной литературе со всей определенностью указывает на то, что в ней фактически возрождались представления теоретиков классической политэкономии об отношениях собственности как определяющей сфере общества.

Эта иллюзия связана с забвением того, что специфическим признаком различения вещей, в том числе средств производства, в качестве своих или чужих является сознательно-волевой момент отношения к ним тех или иных субъектов, а также агентов, действующих в общественном процессе. Более того, владение средствами производства, характеризуя лишь волевое отношение к материальным условиям труда, является только возможной предпосылкой производства, но вовсе не действительным производством, в котором осуществляются реальные экономические отношения. Здесь производство содержится только в возможности.

Таким образом, «форма собственности», владение чем-либо – средствами производства или деньгами – это целиком и полностью есть юридический момент, непосредственно не относящийся к процессу производства и потому не детерминирующий его. Действительная детерминация процесса производства не лежит на поверхности общественного процесса (бытия), более того, она настоятельно требует его раскрытия и логического обоснования. А для решения поставленной проблемы окажется вовсе недостаточным, как представит себе такой классик «марксизма», как И. Сталин, сведение сути экономических отношений к формам собственности, к капиталистическому владению средствами производства.

В самом деле, если любой владелец средств производства, в том числе, допустим, и капиталист, как подчеркивает К. Маркс, лишь вла-

деет средствами производства и деньгами, то он очень скоро потеряет все то, чем владеет, так как «железо ржавеет, дерево гниет». Только в реальном производственном процессе собственник средств производства может применять их в качестве действительных, а не только возможных. Но форма, способ волевого отношения к средствам производства и деньгам как раз выражает не собственно юридический, а экономический момент.

Поэтому раскрыть содержательную сторону действий субъекта, выражающего волевое отношение в особой специфической форме с вещами или деньгами, которыми он владеет, окажется возможным лишь тогда, когда будет выявлена структура и содержание экономических отношений. Сущность такой формы собственности, как капиталистическая, окажется возможным определить лишь тогда, когда будет логически обоснована система капиталистических экономических отношений, а также специфический закон их функционирования и развития – закон прибавочной стоимости.

Характеристика различных типов владения или невладения средствами производства не только в принципе не выводима из самой категории собственности на средства производства, но и скрывает специфическую природу различных форм собственности. Понять сущность частной собственности как капиталистической из отношений волевых, то есть зависящих от воли и сознания людей как владельцев средств производства или денежных средств, в принципе невозможно. Допустим, собственник владеет определенной суммой денег, мы можем абстрагироваться от того, как он их приобрел, он может получить наследство, выиграть в каком-либо конкурсе, но он в данный момент ими владеет, то есть он может ими пользоваться, распоряжаться по своему усмотрению. Частный собственник может превратить их в предметы своего потребления, купить на них различные товары, остров, яхту, самолет и т. д. Можно ли, изучая вышеперечисленные действия владельца своей собственности, которой он распоряжается абсолютно строго по своему собственному усмотрению, сделать вывод о том, что указанное отношение владельца к своей собственности характеризует его в качестве капиталиста. Вполне понятно, что вывод может быть сделан только отрицательный, так как отношения собственности означают способность владения, пользования, распоряжения

принадлежащими собственнику средствами производства, вещами, деньгами, то есть реальное юридическое отношение любого собственника, закрепленное законом. Но та специфическая капиталистическая форма, в рамках которой используются средства производства (вещественные факторы) или, предположим, деньги, не выводима из юридического отношения. Напротив, понять суть капиталистического процесса невозможно только из рассмотрения отношения владения, то есть юридического отношения.

Ограничение анализа экономических отношений такой «клеточкой», как собственность на средства производства и деньги, приведет, согласно К. Марксу, к сокрытию собственной природы капиталистических отношений.

Претензии на определяющую роль частной собственности на средства производства, в том числе и денег, в качестве главных факторов созидания и присвоения прибыли используют не только их владельцы, но и их сознательные или «бессознательные» идеологи в качестве оправдания их беззащитных устремлений на обоснование вполне справедливых, с их точки зрения, равноправных и свободных отношений между классами, то бишь агентами общественных отношений. И капиталист, подчеркивает К. Маркс, прекрасно знает цену своей частной собственности. Предоставим ему слово. «Разве рабочий создает продукты только при помощи своих рук, разве он создает товары из ничего? Не он ли, капиталист, дал ему материал, в котором и посредством которого рабочий только и мог воплотить свой труд? А так как наибольшая часть общества состоит из таких голяков, то не оказал ли он своими средствами производства, своим хлопком, своими веретенами, неизмеримую услугу обществу и самому рабочему, которого он кроме того снабдил еще жизненными средствами». (К. Маркс. Капитал. Т. I. М., 1967, с. 203). Из этого видно, что капиталист, прекрасно зная цену своей собственности на средства производства, и исходит из нее в обосновании своих претензий на присвоение прибыли. Тем более, указывает К. Маркс, это известно теоретическим истолкователям его взглядов. «Эти и тому подобные пустые увертки и бессодержательные уловки он (капита-

лист. – Л.Д.) предоставляет профессорам политической экономии, которые собственно за это и оплачиваются» (там же, с. 204).

Стало быть, анализ действий владельцев средств производства и денег, именно их волевого отношения к ним всецело, с точки зрения К. Маркса, определяется не юридическими отношениями – владения, пользования, распоряжения, а теми или иными экономическими отношениями и тем положением, которое владелец средств производства или денег занимает в них. Поэтому обоснование необходимости перехода от непосредственной, поверхностной сферы (юридических отношений) к исследованию собственно экономических отношений как обнаруживающих более глубокие, внутренние связи предмета предстает как движение познания от поверхности исследования предмета к его сущности.

Представителям классической политэкономии не удалось осуществить логический процесс, направленный на обоснование движения мысли от поверхности к сущности, от менее глубоких категорий, отображающих лишь поверхность предмета, к категориям, выявляющим их сущность.

Методологическая несостоятельность классических политэкономов сказалась в их неспособности осуществить осознанное разграничение юридических и экономических отношений и явилась главной преградой на определяющем этапе исследования перехода от таких отношений, которые, прежде чем им сложиться, должны с необходимостью пройти «через голову и сознание людей», то есть волевых и осознанных в той или другой степени, к таким отношениям, которые не только не зависят от воли и сознания людей, но сами определяют их волю и сознание.

Исследовать особую специфическую природу отношений, независимых от воли и сознания людей – экономических отношений, К. Марксу удалось именно потому, что он поставил своей сознательной целью не «исходить из факта частной собственности на средства производства, землю и деньги», а выявить действительный источник и причину возникновения капиталистической частной собственности и ее эволюцию в соответствии с различными этапами развития капиталистического общества.